

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'366

Беседина Н.А.

МОРФОЛОГИЯ: ОТ МОРФЕМЫ К МОРФОЛОГИЧЕСКИ ПЕРЕДАВАЕМОМУ КОНЦЕПТУ

Беседина Наталья Анатольевна,

*профессор кафедры иностранных языков, доктор филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: NBesedina@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье анализируются взгляды ученых различных эпох на проблемы морфологии и прослеживается развитие соответствующей проблематики от сравнительно-исторической до когнитивной лингвистики. В сравнительно-историческом языкознании морфемика рассматривалась как внутриязыковая механизм. Представители младограмматиков пытались наполнить синтаксическую терминологию морфологическим значением. В генеративной морфологии неразличение лексических, морфологических и словообразовательных правил привело к отождествлению морфологии и словообразования. В период «постгенеративизма» исследовательская сфера в области морфологии расширяется за счет включения в рассмотрение функциональных начал морфологии. Наиболее последовательной позиции в изучении морфологической проблематики придерживались отечественные лингвисты, рассматривая морфологию как центр языкового пространства, скелет, на котором держится все остальное в языке. Существенное внимание уделяется взглядам А.В. Бондарко, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой и Ю.С. Степанова на проблемы морфологии. Автор статьи приходит к выводу о необходимости разграничивать такие понятия как «специфика морфологии» и «автономность морфологии» и предлагает свой подход к трактовке морфологического уровня с когнитивной точки зрения.

Ключевые слова: морфология; морфема; морфологически передаваемый концепт; взаимодействие морфологии и синтаксиса; когнитивный подход; концептуализация; знание.

SECTION I. METHODOLOGY OF LINGUISTICS

Besedina N.A.

MORPHOLOGY: FROM MORPHEME TO MORPHOLOGICAL CONCEPT

Besedina Natalia Anatolievna

Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: NBesedina@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The author analyses the views of scholars, belonging to different trends in linguistics, on the morphological level in the language. The development of ideas on the problem is being traced from comparative-historical linguistics to cognitive linguistics. In the theory of comparative-historical linguistics, the morphemic structure was considered to be a pure linguistic mechanism. The representatives of neogrammarians tried to fill the morphological meaning with syntactical terms. Generative morphology didn't differentiate lexical, morphological and word-formation rules that resulted in identification of morphology and word-formation. The post-generative paradigm extended the research field of morphology, taking into consideration its functional aspect. The most successive line in investigating morphology is characteristic for Russian linguists. They treat morphology as a framework of the language system. Special attention is paid to the views of A.V. Bondarko, N.N. Boldyrev, E.S. Kubryakova, and Yu.S. Stepanov on morphology. The author concludes that it's necessary to distinguish between such notions as "specific character of morphology" and "autonomy of morphology". Finally, the author suggests her own approach to the investigation of morphology in a cognitive perspective.

Key words: morphology; morpheme; morphological concept; morphology and syntax interaction; cognitive approach; conceptualization; knowledge.

Введение

Первые попытки выделения морфологии были характерны еще для софистов и стоиков. Однако как таковая морфология в грамматической традиции была впервые выделена в александрийской школе (III в. до н.э.). В качестве самостоятельной части морфология присутствует также в трактате видного ученого-энциклопедиста М. Варрона «О латинском языке». Морфология, в понимании М. Варрона, состоит в изучении того, каким образом слова, отклонившись от вещей, для которых они были установлены, приобрели различия [2, с. 85]. В знаменитой грамматике арабского ученого Сибавейхи, наряду с фонетикой и синтаксисом, детально была описана морфология классического арабского языка. Однако граница между морфологией и синтаксисом в арабской традиции проводилась несколько иначе. Морфология ограничивалась корнем и огласовками, а изучение окончаний слов относилось к синтаксису (подр. см. [1, с. 42]).

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы кратко проанализировать основные тенденции, имеющие место при рассмотрении морфологической проблематики во взглядах ученых различных эпох и предложить еще один возможный вариант интерпретации роли морфологии как необходимого компонента формирования смысла в процессе коммуникативно-дискурсивной деятельности.

Материалы и методы исследования

Представители сравнительно-исторического языкознания, формулируя свой взгляд на роль морфологии в языке, исходили из того, что в «процессах речи-мысли мысль направляется одновременно на обработку и разработку языка и его звуков, с одной стороны, и на формирование картины мира, на познание внешней по отношению к мышлению-речи действительности – с другой» [цит. по 12, с. 173]. Для того чтобы оба эти процесса могли реализоваться и объективно существовать, между ними должна быть некоторая необходимая им обоим связка. Эта связка была представлена в сравнительном языкознании в виде понятия морфемного уровня и понятия составляющих его единиц – морфем. Другими словами, морфемика (морфология), в соответствии с идеями сравнительного языкознания, представляет собой описание внутриязыкового механизма, с помощью кото-

рого осуществляется контакт между мыслью о звучащей речи и мыслью о мире.

Как одну из трех сущностей, определяющих язык, рассматривали морфологию младogramматики. При этом в грамматических исследованиях А. Мейе и его последователей прослеживается уклон в морфологизм синтаксиса. Это приводило к наполнению синтаксической терминологии морфологическим значением.

Обсуждая проблему разграничения морфологии и синтаксиса и анализируя сложившиеся к тому времени концепции по этому вопросу (В. Брэндалль, В. Матезиус, Г. Гугенейм, О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), В. Скаличка выделяет несколько параметров, определяющих различия между морфологией и синтаксисом. Основным, на его взгляд, является различие ономотологической и синтаксической функции (подробно о выделенных им параметрах см. в [15, с. 72]).

Устанавливая параметры разграничения морфологии и синтаксиса, В. Скаличка, тем не менее, считает, что морфология и синтаксис не отделены друг от друга герметически, и что некоторые черты синтаксиса проникают в морфологию и наоборот [18]. Это приводит к тому, что синтаксический и морфологический компоненты с точки зрения их включения в функциональную структуру языка оказываются тесно связанными между собой структурами выражения.

Представитель женеvской школы С. Карцевский, рассматривая язык как семиологическую систему, выделяет среди четырех семиологических планов в качестве самостоятельного, и морфологический план. Морфология, в его понимании, «есть система приемов, употребляемых одним данным языком для того, чтобы выявить на фонической линии спроектированные на нее связи» [8, с. 52].

Для работ, выполненных в духе генеративной морфологии, характерно неразличение лексических, морфологических и словообразовательных правил, а также смешение их функций. Это практически приводило к отождествлению морфологии со словообразованием, что нашло дальнейшее отражение в теориях М. Аронова и С. Скализе [21, 28]. Во многих версиях порождающих грамматик деривационная морфология рассматривалась как своеобразная часть синтаксического уровня, где действуют синтаксические

правила (трансформации), но в пределах слова.

Период «постгенеративизма» характеризуется более активным исследованием проблем морфологии. Это нашло свое отражение, прежде всего, в появлении авторских морфологических концепций, сформулированных в трудах Ст. Андерсона, Дж. Байби, Р. Бирда, Ф. Планка, Э. Селкирк [19, 20, 22, 23, 24, 27, 29]. Сфера исследования в области морфологии расширяется за счет включения в рассмотрение функциональной проблематики, изменяются задачи морфологии и постановка ряда теоретических проблем. Для ученых в этот период характерно стремление разобраться в функциональных началах морфологии, а для этого вскрыть ее движущие силы. Все это предполагало обращение к динамическим аспектам языковой системы и определение роли морфологии в переходе от глубинных структур к поверхностным.

В качестве основных рассматриваются, например, проблемы изоморфизма в строении слова и предложения, возможность транспонировать закономерности синтаксиса в эту область, взаимодействие морфологии и синтаксиса, выявление основных морфологических процессов, действующих на уровне слова, установление специфики этих процессов, в том числе, выяснение их автономности или зависимости (детерминированности) синтаксисом и семантикой.

Существование морфологии как особого уровня, выполняющего важную роль в системе языка, убедительно обосновывается отечественными лингвистами. Наиболее четко и одновременно метафорично эта позиция выражена А.А. Реформатским. Он, в частности, пишет: «Морфология подобна «костяку» или скелету, на котором держится все остальное. Морфология – центр «языкового пространства», и для того, чтобы узнать язык, надо прежде всего понять его морфологию. Без морфологии нет языков» [13, с. 58]. При этом А.А. Реформатский подчеркивает, что у разного типа языков **своя** (выделено нами – Н.Б.) морфология, но она все равно присутствует [там же]. Аналогичной точки зрения придерживается Р.А. Будагов, отмечающий, что без морфологии, так же как и без фонетики, не может существовать ни один живой язык [6, с. 187].

Существование морфологии как отдельного уровня языка аргументируется также

Е.С. Кубряковой, использующей положения модулярной теории языка. Она говорит о существовании морфологического компонента языковой способности говорящих, некоего «морфологического модуля, управляющего образованием правильно оформленных морфологических структур со статусом слова, т.е. ответственного за соблюдение правил относительно формы и строения слова при выражении им определенного содержания» [10, с. 27]. Это подтверждается, в частности тем, что в разных языках мира складываются некие особые приемы для создания слов и что слово выделяется в сознании говорящих в качестве отдельной единицы языка, соотносящей форму и содержание своим специфическим способом [10, с. 26]. Поэтому разрывать морфологию, относя часть ее к лексикону, часть – к синтаксису, представляется Е.С. Кубряковой не только нецелесообразным, но и разрушающим онтологическую и гносеологическую целостность морфологии [10, с. 26].

При этом необходимо отметить, что в отечественной лингвистике не просто постулировалось существование морфологии как особого уровня, но и детально изучались отношения морфологии с другими языковыми уровнями (подробный обзор см. [3]), что дало основание для рождения идеи о том, что «морфология служит синтаксису». Именно из этого положения исходит Б.А. Серебренников в трактовке проблемы взаимоотношения морфологии и синтаксиса, подчеркивая одновременно, что такое утверждение упрощает представление о реальных отношениях в языке [14, с. 88]. Как считает Б.А. Серебренников, морфологическая форма, будучи носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств [14].

Идея о «службе» морфологии синтаксису уточняется в рамках теории морфологических категорий, разработанной А.В. Бондарко. Автор утверждает, что морфология служит синтаксису «лишь постольку, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не вообще, не глобально, не абсолютно» [5, с. 19]. Одновременно с этим, А.В. Бондарко специально подчеркивает, что морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как ка-

жда морфологическая категория обладает определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой [5].

В несколько ином плане, с позиции синтеза современных лингвистических концепций, рассматривает проблему В.Б. Касевич. В качестве основополагающего он выдвигает тезис о том, что «семантика обуславливает синтаксис, синтаксис морфологию и т.д.» [9, с. 18]. Для объяснения закономерностей взаимообусловленности семантики, синтаксиса и морфологии он прибегает к понятию фрейма в том понимании, в котором его использует М. Минский. Для морфологического компонента языковой системы В.Б. Касевичем выделяются фреймы двух видов: семантически и синтаксически ориентированные (подр. см [9, с. 26]).

В теории семиологической грамматики, разработанной Ю.С. Степановым, проблема связей морфологии и синтаксиса получает более глубокое осмысление и формулируется в виде положения о том, что морфология выступает как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса». При этом в качестве принципиально важных принимаются положения о том, что: определению морфологической категории предшествует определение семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о данной категории; морфологические категории подчиняются некоторым общим семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях; изменение морфологических категорий связано с перераспределением «длинного семантического компонента» (общего семантического компонента), а их развитие заключается в развитии самого этого компонента в целом [17, с. 296-297]. Понимание морфологии как техники взаимодействия семантики и синтаксиса получило применение и дальнейшее уточнение в теории функционально-семиологической грамматики Н.Н. Болдырева. В соответствии с ее основными установками, морфология определяется как техника языковой системы, фиксирующая типичные связи между семантикой и синтаксисом [4].

Анализ представленных точек зрения на проблему взаимодействия морфологии с другими языковыми уровнями позволяет заключить, что попытки провести строгие границы между языковыми уровнями (прежде всего, морфологией и синтаксисом) фактически ока-

зались неосуществимыми, так как постоянно исследователи наталкивались на те или иные факты межуровневого взаимодействия, свидетельствующие, скорее, о нежесткой внутриязыковой организации. Наглядно это подтверждается результатами современных функциональных и когнитивных исследований языка.

Развитие когнитивно-ориентированных исследований (с 80-х годов XX века) в лингвистике поставило в новой плоскости вопрос о месте морфологии в системе языка. Такое положение дел представляется во многом естественным, так как вытекает из общих установок когнитивного подхода к языку.

Когнитивная лингвистика, как известно, стирает грань между областями, обособленными в интерпретации традиционной лингвистики (лексикой, морфологией, синтаксисом и семантикой), тем самым, выявляя наиболее общие принципы человеческого мышления, которые имплицитно в языковых формах. По образному замечанию О.К. Ирихановой, «любая единица языка рассматривается здесь как некий «пусковой механизм» для глубинных когнитивных процессов, которые определяют пути и способы конструирования языкового значения» [7, с. 62].

Основополагающая идея, на которой строятся и когнитивная грамматика, и когнитивная семантика – это идея когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений. Соответственно, основная масса исследований, выполненных с позиций когнитивного подхода в зарубежной лингвистике, сосредоточена преимущественно на изучении когнитивных основ семантики языковых выражений, прежде всего, лексического уровня.

Общая платформа, на которой основывается вся когнитивная лингвистика, включает, в частности, положения о том, что: язык не обладает самодостаточностью и не может быть описан без учета когнитивных процессов; грамматика не может рассматриваться в качестве отдельной формальной системы, или уровня представления, так как лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум знаковых структур (см., например: [25, 26]).

Это предполагает неразделимость грамматики и значения. Автономность грамматики, а, следовательно, и морфологии отрицается в когнитивной грамматике Р. Ленекера. В его теории она представляется как способ струк-

турирования и символизации (языкового представления) концептуального содержания с помощью образно-схематических моделей. Образно-схематические модели рассматриваются как способность по-разному структурировать (форматировать) и интерпретировать содержание одной и той же когнитивной области. В соответствии с этой функцией, язык включает семантические структуры, фонологические структуры и символические связи между ними. Р. Ленекером особо подчеркивается тот факт, что ничего другого языку не требуется [26]. Как следствие, в теории когнитивной грамматики Р. Ленекера отсутствует специальное рассмотрение того, что традиционно включается в морфологию (словообразовательные и словоизменительные категории). Некоторые морфологические категории, например, времени и аспекта, исследуются в связи с рассмотрением определенных когнитивных механизмов [26, с. 218-229].

На сходных представлениях строится и концептуальная семантика Л. Талми. В разработанной им теории утверждается наличие в языке двух подсистем: грамматической и лексической, обладающих комплементарными семантическими функциями. Грамматика определяет структуру когнитивной репрезентации, а лексика – ее содержание. Автор ставит цель определить семантические и когнитивные свойства и функции структурного языкового компонента (грамматики) как единого целого. В качестве фундаментального свойства грамматической подсистемы Л. Талми выделяются семантическая и количественная ограниченность, а в качестве основной функции – структурирование мысли [30, с. 94-95]. Грамматика, в широком смысле, является фактором, определяющим концептуальную структуру в языке как одной из когнитивных систем.

Таким образом, грамматический уровень рассматривается в когнитивной лингвистике недифференцированно, что естественным образом не позволяет акцентировать внимание на роли морфологического компонента языка в представлении концептуального содержания. Рассматривая идею о языковом континууме как одну из фундаментальных и методологически важных мы все же считаем необходимым акцентировать, с одной стороны, взаимодействие образующих континуум компонентов, а с другой – роль каждого из них в этом континууме. Это позволяет поставить во-

прос о необходимости особого рассмотрения места морфологии в языковом континууме.

Предпосылки такой постановки вопроса создаются, в первую очередь, благодаря тем наработкам, которые получены отечественными лингвистами в последние десятилетия, ознаменовавшиеся интенсивным развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Прежде всего, в ряде работ Е.С. Кубряковой, опубликованных в последние годы, сформулированы основные направления изучения когнитивных аспектов морфологии (см., например, [11]). Е.С. Кубрякова уточняет высказанную Н.А. Слюсаревой мысль о том, что морфология когнитивна, хотя на первый взгляд, выступает в виде техники для синтаксиса [16], особо подчеркивая тот факт, что даже если бы морфология выступала исключительно «в виде техники для синтаксиса», она не перестала бы быть «когнитивной», т.е. связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче их результатов [11, с. 25].

По мнению Е.С. Кубряковой, функции морфологии гораздо шире. Они обнаруживаются не на уровне морфем, а на уровне целостных морфологических структур, репрезентирующих разные классы слов [11]. В этом проявляется связь морфологии с фиксацией, классификацией и распределением по категориям определенных структур знания о мире. Такая связь с процессами категоризации и субкатегоризации, а также связь последних со средствами их формального выражения позволяет выявить, как и в каких формах морфология объективирует и классифицирует знание о мире. Сказанное дает основание Е.С. Кубряковой говорить о когнитивных аспектах морфологии в различных проявлениях.

Когнитивная функция морфологических явлений, по заключению автора, определяется «их задействованностью в проведение процессов мышления, в осуществление ментальной и интеллектуальной деятельности человеческого разума – деятельности по обработке информации, ее хранению, ее сортировке и, наконец, извлечению, использованию и новому преобразованию» [11, с. 25-26]. Подчеркивая особую важность изучения когнитивных аспектов морфологии, Е.С. Кубрякова заключает, что такое изучение позволит выявить немало важного в понимании того, «какие детали в изображении ситуации в данном языке не могут ускользнуть от внимания говоряще-

го (грамматическое – значит обязательное), а также какие элементы человеческого опыта уже получили отражение и классификацию в данной языковой картине мира» [11, с. 25-26].

Представленный анализ позволяет заключить, что дискуссионность проблемы статуса морфологии в системе языка связана со смешением двух понятий: «специфика морфологии» и «автономность морфологии». Специфика морфологии определяется ее ролью в репрезентации языкового знания и выполнением особой функции в системе языка – функции техники, обеспечивающей взаимодействие семантики и синтаксиса и фиксирующей типичные связи между ними. Именно поэтому морфологические категории функционально раскрываются, главным образом, на уровне синтаксиса [4, 6].

Сказанное позволяет утверждать, что с позиций когнитивного подхода в качестве основной единицы морфологии следует рассматривать морфологическую категорию, находящую свое материальное выражение в формах слова, объединяемых в парадигму.

Морфология как особый языковой уровень, обеспечивающий технику взаимодействия семантики и синтаксиса и фиксирующий типичные связи между ними, выступает как один из способов концептуализации языкового знания. Особенность концептуализации на уровне морфологии состоит в том, что она, конфигурируя и форматируя наше знание, обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику. Именно эта особенность в плане концептуализации и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями, и лексическими/тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания.

Возможности и способы морфологической концептуализации определяются онтологией самого языка, так как морфология выступает в качестве средства концептуализации закономерностей языковой репрезентации и

отражает во взаимодействии с синтаксисом внутреннюю сущность и законы функционирования языка. Сказанное позволяет утверждать, что морфология представляет собой языковой уровень, важный с точки зрения понимания того или иного языка и определения его характера и типа.

Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях. Под уровнями концептуализации в морфологии понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии (подр. см. [3]). Их выделение первоначально связано с разграничением, прежде всего, сентенционального уровня и уровня семантики лексико-грамматических разрядов слов. Оно обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Последние, будучи средством уточнения связи языкового знака с той или иной концептуальной категорией, передаваемой тем или иным лексико-грамматическим классом слов в синтагматической речевой деятельности, различаются своей ориентацией на уровень сентенциональный или на уровень лексико-грамматических разрядов слов.

Морфологические категории и передаваемые ими обобщенные смыслы создают «сетку координат», в рамках которой осуществляется концептуализация мира человеком. Морфология отражает категоризацию наиболее важных (фундаментальных, базовых) участков концептуальной системы. Соответственно, морфологические категории и формы являются средством объективации особого уровня категориальных смыслов.

Категориальная часть концептуальной системы, репрезентируемая морфологически, предстает в виде морфологически передаваемых концептов. Морфологически передаваемые концепты создаются нашим сознанием с помощью языка и являются, вследствие этого, классификационными. Морфологически передаваемые концепты – это, с одной стороны, определенные единицы знания, репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм, а с другой стороны, – это концепты, лежащие в основе формирования собственно морфологических категорий и реализующиеся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и др.).

Иными словами, морфологически передаваемый концепт – это выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического.

Морфологически передаваемые концепты в совокупности формируют концептуальное пространство морфологии и создают когнитивную основу морфологической репрезентации в языке. Они служат основой формирования соответствующих морфологических категорий и подводят существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и классы, определяя их семантику.

Морфологически передаваемые концепты могут рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих созданию и обеспечению стабильности концептуальной системы, они отражают наиболее существенные аспекты концептуальной системы, без которых невозможно мышление о мире и формирование картины мира.

Морфологически передаваемые концепты в наибольшей степени подвергаются стандартизации на общенациональном уровне, исключая групповые, региональные и индивидуальные смыслы. Содержание данных концептов составляют основополагающие стабильные значения (элементы смысла), которые кодируются с помощью морфологических показателей. Оно включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов. Эти характеристики имеют статус особых категориальных смыслов, которые служат основой для формирования собственно морфологических смыслов, составляющих содержание морфологических категорий и в дальнейшем – во взаимодействии с характеристиками концепта, на базе которого формируется морфологически передаваемый концепт – лексико-грамматических смыслов в процессе коммуникации, а также имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса.

Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической ре-

презентации. Вследствие этого, морфология не просто и не столько передает собственные (морфологические) смыслы, но и, в первую очередь, служит базой для формирования широкого спектра конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов в рамках предложения-высказывания. Это объясняет тот факт, что морфология не существует изолированно от других языковых уровней, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом формирования смысла в процессе речевой деятельности.

Специфика грамматической системы каждого языка и его концептуальной системы проявляется в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в различных языках в силу того, что инвентарь морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку. При этом существование единой концептуальной основы морфологических категорий позволяет в определенной степени «приравнять» одноименные категории разных языков на основании некоторой общей концептуальной структуры, в качестве которой выступает морфологически передаваемый концепт, а не на основании грамматической формы, так как последняя различна от языка к языку.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная морфологическая теория представляется неполной без анализа когнитивных процессов, которые объясняют внутриязыковую специфику морфологических категорий и форм и раскрывают роль данных единиц в репрезентации концептуального содержания в языке. Специфика предложенного в статье подхода заключается в обращении к проблемам морфологии с принципиально иных позиций, а именно, с точки зрения того, как языковые факты отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации.

Заключение

Обобщая все сказанное, следует отметить, что исследование морфологии в различных аспектах позволяет получить наиболее полное и исчерпывающее знание о закономерностях, обеспечивающих ведущую роль морфологического уровня в строе языка и формировании смысла в процессе языкового функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алпатов В.М. *История лингвистических учений: Учебное пособие*. М., 1998.
2. *Античные теории языка и стиля (Антология текстов)* / Под общ. ред. О.М. Фрейденберга. СПб., 1996.
3. Беседина Н.А. *Морфологически передаваемые концепты: монография*. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
4. Болдырев, Н.Н. *Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук*. СПб., 1995.
5. Бондарко А.В. *Теория морфологических категорий*. Л., 1976.
6. Будагов Р.А. *Язык и речь в кругозоре человека*. М.: Добросвет, 2000.
7. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // *Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания (материалы круглого стола, апрель, 2000)*. М., 2000. С. 62-68.
8. Карцевский С.И. *Из лингвистического наследия*. М.: Языки русской культуры, 2000.
9. Касевич В.Б. *Семантика. Синтаксис. Морфология*. М.: Наука, 1988.
10. Кубрякова Е.С. *Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени*. М., 1987.
11. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // *Язык: Теория, история, типология*. М., 2000. С. 22-27.
12. Ольховиков Б.А. *Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания*. М., 1985.
13. Реформатский А.А. *Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии*. М.: Наука, 1979.
14. Серебренников Б.А. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление*. М.: Наука, 1988.
15. Скаличка В. Отношение между морфологией и синтаксисом // *Языкознание в Чехословакии: Сб. статей*. М.: Прогресс, 1978. С. 69-79.
16. Слюсарева Н.А. *Проблемы функциональной морфологии современного английского языка*. М.: Наука, 1986.
17. Степанов Ю.С. *Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика)*. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.
18. *Языкознание в Чехословакии: Сб. статей*. М.: Прогресс, 1978.
19. Anderson, St. *Inflectional morphology. Language typology and syntactic description*. Cambridge, Mass., 1985. Vol. III. Pp. 150-201.
20. Anderson, St. *Morphological theory. Linguistics: The Cambridge survey*. Cambridge, 1988. Vol. I: Linguistics theory: Foundations. Ed. By Newmeyer F.J. Pp. 146-191.
21. Aronoff M. *Word formation in generative Grammar*. Cambridge, 1976. 134 p.
22. Beard R. *Lexeme - Morpheme Base Morphology: a General Theory of Inflection and Word Formation*. State University of N.Y., 1995. 433 p.
23. Bybee J.L. *Morphology: A Study of the Relation Between Meaning and Form*. Amsterdam, 1985. 234 p.
24. Bybee J.L. *Morphology as Lexical Organization. Theoretical Morphology. Approaches in Modern Linguistics*. N.Y.: Academic Press, 1988. Pp. 119-141.
25. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press, 1984.
26. Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
27. Plank F. *Morphologische (Ir=) Regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie*. Tübingen: Narr, 1981. 298 S.
28. Scalise S. *Generative morphology*. Dordrecht, 1986. 237 p.
29. Selkirk E. *The Syntax of word*. Cambridge (MA): MIT, 1982. 136 p.
30. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. 2-nd edition. Concept Structuring System: The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2001. Vol. 1. 565 p.

REFERENCES:

1. Alpatov V.M. *History of Linguistic Studies: Textbook*. Moscow, 1998.
2. *Antique theory of language and style (Anthology of texts)*. O.M. Freydenberg. SPb., 1996.
3. Besedina N.A. *Morphologically transmitted concepts*. M.; Tambov: Izd-vo TGU; Belgorod: Izd-vo BelGU, 2006.
4. Boldyrev, N.N. *Functional categorization of the English verb: Dis. ... d-ra filol. nauk*. SPb., 1995.
5. Bondarko A.V. *Teoriya morfolozicheskikh kategoriy*. L., 1976.
6. Budagov R.A. *Language and speech in the human perspective*. Moscow: Dobrosvet, 2000.
7. Iriskhanova O.K. On the theory of conceptual integration. *Traditional problems of linguistics in the light of new paradigms of knowledge*. Moscow, 2000. Pp. 62-68.
8. Kartsevskiy S.I. *From the linguistic heritage*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000.
9. Kasevich V.B. *Semantics. Syntax. Morphology*. Moscow: Nauka, 1988.
10. Kubryakova E.S. *The morphology of the modern theoretical and typological studies*. Moscow, 1987.
11. Kubryakova E.S. Cognitive aspects of morphology. *Language: Theory, History, Typology*. Moscow, 2000. Pp. 22-27.
12. Ol'khovikov B.A. *Theory of language and the type of grammatical description in the history of linguistics*. Moscow, 1985.
13. Reformatskiy A.A. *Essays on phonology, morphonology, morphology*. Moscow: Nauka, 1979.
14. Serebrennikov B.A. *The role of the human factor in language: Language and thought*. Moscow: Nauka, 1988.
15. Skalichka V. *The relationship between morphology and syntax*. Moscow: Progress, 1978. Pp. 69-79.
16. Slyusareva N.A. *Problems of functional morphology of Modern English*. Moscow: Nauka, 1986.
17. Stepanov Yu.S. *Names. Predicates. Sentences (semiological grammar)*. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS, 2002.
18. *Linguistics in Czechoslovakia*. Moscow: Progress, 1978
19. Anderson, St. *Inflectional morphology. Language typology and syntactic description*. Cambridge, Mass., 1985. Vol. III. Pp. 150-201.
20. Anderson, St. *Morphological theory. Linguistics: The Cambridge survey*. Cambridge, 1988. Vol. I: Linguistics theory: Foundations. Ed. By Newneyer F.J. Pp. 146-191.
21. Aronoff M. *Word formation in generative Grammar*. Cambridge, 1976. 134 p.
22. Beard R. *Lexeme - Morpheme Base Morphology: a General Theory of Inflection and Word Formation*. State University of N.Y., 1995. 433 p.
23. Bybee J.L. *Morphology: A Study of the Relation Between Meaning and Form*. Amsterdam, 1985. 234 p.
24. Bybee J.L. Morphology as Lexical Organization. *Theoretical Morphology. Approaches in Modern Linguistics*. N.Y.: Academic Press, 1988. Pp. 119-141.
25. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press, 1984.
26. Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
27. Plank F. *Morphologische (Ir=) Regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie*. Tübingen: Narr, 1981. 298 S.
28. Scalise S. *Generative morphology*. Dordrecht, 1986. 237 p.
29. Selkirk E. *The Syntax of word*. Cambridge (MA): MIT, 1982. 136 p.
30. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. 2-nd edition. Concept Structuring System: The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2001. Vol. 1. 565 p.